

Странна и парадоксально жестакая судьба Бориса Константиновича Зайцева, последнего великого представителя русской эмигрантской литературы Серебряного века, с коим мне посчастливилось быть знакомым. Вдали от России, которую он любил всей душой, одинокий патриарх русской литературы смог в год появления в печати своей последней книги «Река времён» позволить себе победный возглас, произнесённый когда-то французским писателем С.-Ж. Персом: «О, старость, вот и я!»

Творчество Бориса Зайцева охватывает несколько эпох. Он начал писать в молодые годы в отечестве и продолжил в изгнании, которое длилось почти пятьдесят лет. Но даже на чужбине, во Франции, писатель остался верен самому себе, то есть России.

Борис Зайцев — замечательный прозаик, автор четырёх книг («Рассказы» — 1906, 1909, 1911, 1914, СПб.-М.), романа «Дальний край»

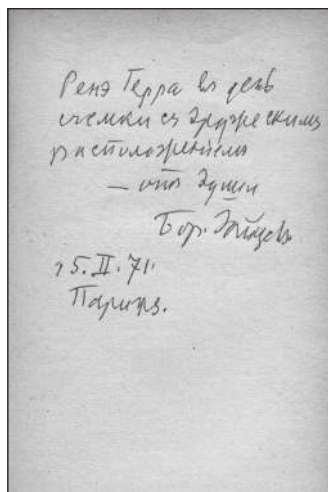
(М., 1915), собрания сочинений в пяти томах (М., 1916-1919), а семитомное собрание издано Зиновием Гржебиным в Берлине (1922-1923). В эмиграции он, как и Бунин, Шмелёв, Ремизов, Бальмонт, Ходасевич и Иванов, написал свои лучшие книги: романы и повести «Золотой узор» (Прага, 1926), «Странное путешествие» (Париж, 1927), «Анна» (Париж, 1929), «Избранные рассказы» (Белград, 1929), «Дом в Пасси» (Берлин, 1935), «Путешествие Глеба» (в 4 томах, 1937-1953), «В пути» (Париж, 1951), «Тихие зори» (Мюнхен, 1961). Он сделал переложения житий «Алексей, Божий человек» (1925), «Преподобный Сергей Радонежский» (Париж, 1925), написал романизированные биографии «Жизнь Тургенева» (Париж, 1932), «Жуковский» (Париж, 1951), «Чехов» (Нью-Йорк, 1954). Кроме того, Зайцев в изгнании выпустил книги очерков «Италия» (Берлин, 1923), «Афон» (Париж, 1928), «Валаам» (Таллинн,

1936), воспоминания «Москва» (Париж, 1939), мемуары «Далёкое» (Вашингтон, 1965), избранное «Река времён» (Нью-Йорк, 1968).

Борис Зайцев был русским европейцем, владел итальянским и французским языками и до революции много путешествовал по Европе. Впервые поехал в Италию осенью 1904 года, посетил Флоренцию, Венецию, Рим, Неаполь, Капри. В апреле 1907 года писатель едет в Париж, а в мае — во Флоренцию, где встречается с Л. Андреевым и А. Луначарским. Совершает новое путешествие в Италию в 1908 году — Верона, Сиена, Рим, где завязывается его дружба с П. Муратовым и М. Осоргиным. Четвёртая поездка в Италию состоялась в октябре 1910 года; зимой живёт в Риме, где встречает Новый год с П. Муратовым, который посвятил

ему свою знаменитую книгу «Образы Италии». По совету П. Муратова, в 1913 году, Б. Зайцев начинает работу над переводом «Ада» из «Божественной комедии» Данте, которую он закончит уже в эмиграции. Ещё в России, в 1907 году, Горький публикует «Искушение Святого Антония» Флобера в переводе Зайцева. Эту работу высоко оценил Луначарский.

После окончания Сорбонны в 1967 году я выбрал для магистерской диссертации творчество Бориса Зайцева. Было ли это решение моим наитием, интуицией или предназначением? Тогда я не мог себе представить, какой отчаянный и даже дерзкий шаг я собираюсь сделать. И уж никак не мог предвидеть последствия смелого поступка: высылку из Советского Союза в марте 1969 года, «волчий билет» не только

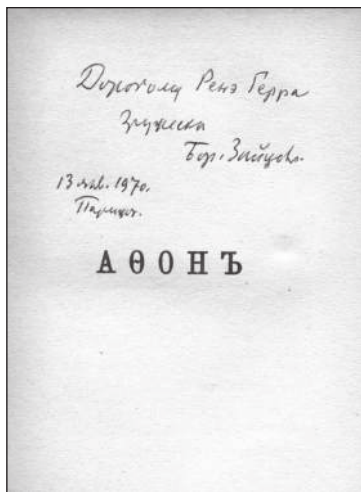

Б. Зайцев. Преподобный Сергей Радонежский. Париж, 1925.
Дарственная надпись автора. © Р. Герра

в СССР, но и на родине, во Франции, где меня отвергли раболепствовавшие перед Кремлём здешние слависты, быстро навесившие на меня ярлык «друга белогвардейцев».

Кафедрой тогда заведовал профессор Анри Гранжар — уважаемый славист и, что редкость для Франции, не коммунист, автор замечательной книги о Тургеневе и его эпохе. Я был любимым студентом этого профессора, который, увы, уже заканчивал карьеру, и все студенты, как водится, от него отвернулись. Я же, будучи человеком верным, выбрал Анри Гранжара научным руководителем.

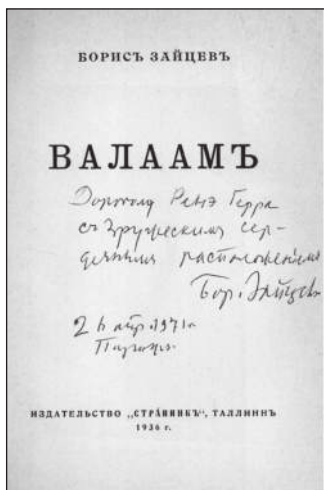
Не могу также не отдать должное итальянскому профессору Этторе Ло Гатто. Из его уникальной книги под названием «История русской литературы», вышедшей на французском языке в 1965 году, я узнал:

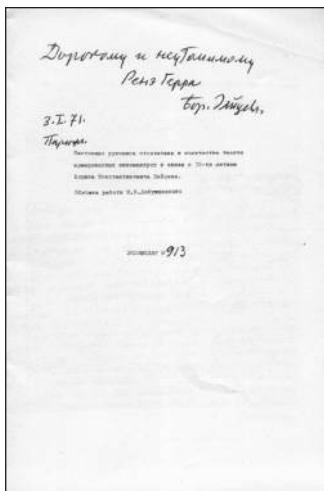
Б. Зайцев. Афон. Paris, Ymca Press, 1928. Дарственная надпись автора. © Р. Герра

Борис Константинович Зайцев ещё жив. Это книга объёмом в девятьсот страниц, из которых более ста, причём впервые, посвящены русской эмигрантской литературе. Борису Зайцеву, с которым Ло Гатто дружил с 1923 года, отведена целая глава.

Профессор Гранжар предложил мне писать диссертацию о Глебе Успенском. «Писателя этого я, конечно, читал, но мне хотелось бы написать о Борисе Зайцеве», — решительно сказал я Гранжару. Он посмотрел на меня с удивлением: «Зачем? Нашли кого выбрать». Меня это покорило. Я про себя подумал: профессоров много, а писателей уровня Бориса Зайцева раз-два и обчёлся. Однако у меня был веский для Гранжара аргумент: «Борис Зайцев, — напомнил я, — автор замечатель-

Б. Зайцев. Валаам. Таллин, «Странник», 1936. Дарственная надпись автора. © Р. Герра

Б. Зайцев. Италия. Нью-Йорк, 1951. Обл. М. Добужинского.
Дарственная надпись автора. © Р. Герра

ной книги "Жизнь Тургенева", и — редкий случай в эмиграции — она была переиздана в 1949 году». «Да, — согласился Гранжар, — я даже с ним один раз встретился. Ну, раз вы хотите... только я вам не советую». Он дал мне понять: лучше не заниматься писателем-эмигрантом, это плохо для карьеры начинающего слависта. Но карьеристом я не был, таким и остался по сей день. Дальнейшее показало, насколько трудно было идти против течения. Я сделал выбор, не понимая до конца, какими будут последствия.

В Париже, куда я приехал с юга, из Ниццы, в 1963 году, общение с «белыми» эмигрантами не поощрялось. Но я, естественно, нарушил табу. Не только общался, но ещё и дружил.

Получив разрешение от научного руководителя, я поехал на каникулы,

и уже с юга, в начале сентября 1967 года, написал письмо Борису Константиновичу Зайцеву. Он, как человек учтивый и интеллигентный, мне тотчас ответил: «Многоуважаемый Ренэ, (вот Вы не сообщаете своего отчества, и получается по-детски, точно Вы ребёнок. Впрочем, по возрасту Вы несколько моложе меня — в четыре с лишним раза). Итак, приходите ко мне, когда вернётесь в Париж. "Здравствуй племя молодое, незнакомое..." — откуда это, знаете? Только позвоните заранее по телефону Jas. 38-33, сговоримся о дне и часе. Будьте здоровы и процветайте. Ваш Бор. Зайцев. P.S. В письме Вашем ни одной ошибки, и написано будто русским человеком».

Я, естественно, принял его приглашение с трепетом. Конечно, знал: Борис Константинович Зайцев 1881

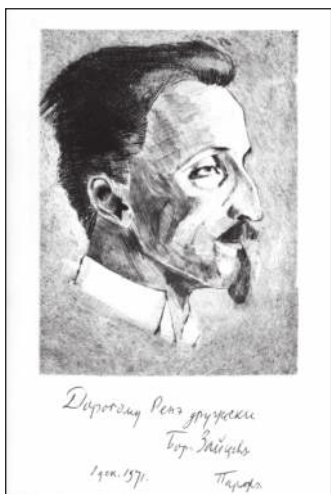
года рождения, следовательно, в то время ему было уже 86 лет. Я волновался...

В назначенный день и час я отправился на метро до авеню Моцарт. Судя по дарственной надписи на его книге «В пути», я впервые встретился с Зайцевым 28 сентября 1967 года. Помню, как сейчас, первый визит к нему на авеню де Шале, дом 5. Этот «проспект» на самом деле представлял собой тихую аллею с утопавшими в зелени особнячками и воротами по обе стороны — оазис в фешенебельном XVI округе. Совсем рядом и улица Оффенбаха, где столько лет жил (и здесь же умер) Иван Алексеевич Бунин, его друг ещё по России, с которым он, единственный из эмигрантских писателей, был на ты. Сюда, из рабочего предместья Булонь-Биянкур (110, ул. Тьер), где Бо-

рис Зайцев прожил больше тридцати лет, писатель с тяжело больной женой Верой Алексеевной переехал в 1964-м к дочери Наташе.

Я пришёл в точно назначенный час. Борис Константинович меня ждал, любезно принял. Мы уютно посидели в его кабинете на втором этаже. Меня, молодого француза, он поразил благородным обликом, аристократизмом, интеллигентностью, учтивостью, сердечным расположением, тёплым общением. Профиль Данте... Он повёл себя так, как будто мы уже давно знакомы. Это редкий дар. Несмотря на большую разницу в возрасте — шестьдесят пять лет, — живой, дружеский контакт установился сразу, и он не скрывал радости: впервые за сорок пять лет его жизни в изгнании молодой французский славист наконец-то решился написать о его творчестве. И мы выпили бутылку бордо, чтобы укрепить наш союз.

Сегодня такой выбор никого бы не удивил, но тогда, полвека назад, эта идея казалась провокационной, даже безумной. Посвятить диссертацию совершенно забытому писателю? Да не просто забытому, а какому-то второстепенному, чуть ли не третьестепенному? Писателю, которого почти полвека не печатали на родине, фактически исключённому из русской литературы XX века?! Бориса Зайцева вычеркнули из русской литературы, а меня — из французской славистики. Я стал изгоем. Я и не подозревал тогда, сколь презрительно и брезгливо относятся французские слависты, почти

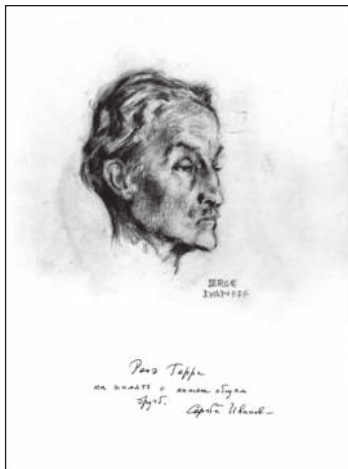

Портрет Б.К. Зайцева раб. С. Залшупина.
Берлин, 1922. Дарственная надпись
писателя. © Р. Герра

сплошь коммунисты или левые «путчики», к белой эмиграции и к ненавистным писателям-эмигрантам, которых они считали отщепенцами и предателями. Ещё бы! Ведь эти бежавшие «не поняли и не приняли Великую Октябрьскую!»

Мы с Борисом Константиновичем были «содружниками» (не смею назвать его другом) пять лет, до самой его кончины, но за все эти годы я ни разу не видел у него ни одного французского слависта, даже русского происхождения, таких, как, скажем, Ж. Нива, Н. А. Струве, Д. М. Шаховской, В. К. Лосская, И. И. Сокологорская и др. Как же они проглядели русского классика, живущего буквально рядом с ними? Не понимали, что он классик? Нет, я лучшего мнения о литературных познаниях этих «товарищей». Прекрасно всё понимали, но карьера была дороже, чем «гамбургский счёт» в литературе. Общение с патриархом русской литературы в изгнании, непреклонным противником Советской власти, могло (и это сущая правда) повредить их карьере. Ведь тогда они лишились бы поездок в Союз, различных грантов и стипендий, доступа в советские архивы и, я думаю, ещё много чего. Где уж тут думать о подлинной литературе, о долге перед изгнанниками!

В своё время все они делали ставку на СССР и игнорировали, часто презирали, а иногда открыто ненавидели белых эмигрантов, которых, они, подпевая Советам, клеймили «жалкими отщепенцами», «обломками империи» ненавистной им

**Портрет Б.К. Зайцева раб. С. Иванова.
Париж, 1960. Дарственная надпись
художника. © Р. Герра**

царской России. Французские профессора-слависты так ни разу и не пригласили выступить перед студентами Сорбонны или Института восточных языков и цивилизаций ни И. В. Одоевцеву, ни Ю. К. Терапиано, ни Б. К. Зайцева, Г. В. Адамовича, В. В. Вейдле, Ю. П. Анненкова, С. И. Шаршуна. По шкурным интересам предпочитали приглашать и ублажать лекторов из СССР, разных литературоведов «в штатском» и прочих эмиссаров-комиссаров.

Я уже тогда понимал, каким бесценным было для меня общение с живым, талантливым русским писателем, с которым я мог встречаться и советоваться. К тому же дом Бориса Зайцева был центром русского литературного Парижа. Именно здесь собирались писатели, поэты, худож-

**Портрет Б.К. Зайцева раб. Ю. Анненкова.
1968. Дарственная надпись художника.
© Р. Герра. Украден в Москве
в 1995 году**

ники на праздники, на Новый год, Рождество, Пасху, на день рождения писателя. В его доме я познакомился с Ириной Одоевцевой, Георгием Адамовичем, Владимиром Вейдле, Леонидом Зуровым, Дмитрием Бушеном, Сергеем Эрнстом. В те годы Борис Зайцев был последним из могикан, патриархом не только русской эмигрантской литературы, но и русской словесности.

А я добросовестно писал работу. Естественно, старался, не хотел ударить лицом в грязь. Это была всё-таки ответственная задача! Повторяю, имея уникальную возможность свободно общаться с писателем, я становился как бы его представителем. Писал я всё сам, но, конечно, расспрашивал, внимательно слушал советы и объяснения. Такое живое

общение стало для меня огромной удачей. Сказать, что я был его собеседником, — это было бы преувеличением. Я больше слушал его увлекательные рассказы о дореволюционной России, о русской деревне, о встречах с товарищами по перу в Москве и Петербурге, о блистательном русском довоенном Париже...

Но это присказка. Всё было мило, душевно, трогательно и поучительно. О наших тёплых, сердечных отношениях свидетельствуют те письма, которые Борис Зайцев писал советским корреспондентам. Они сейчас напечатаны, правда, не все, в последнем, одиннадцатом томе его Собрания сочинений, где содержится немало ссылок на моё имя. Не скрою, как мне было приятно узнать в 2001 году о его лестных отзывах обо мне. Трудно удержаться и не процитировать отрывок из письма Бориса Константиновича от 29 декабря 1968 года Л. Н. Назаровой, сотруднице Пушкинского дома: «Сейчас в Москве один стажёр, наш приятель-француз, студент, написал обо мне работу для Сорбонны и защитил её, теперь роемся ещё в Московских архивах, пишет о начале века литературном. По-русски говорит, как мы с Вами, даже без акцента. Раз меня поправил, я сболтнул мелкую ошибку в языке...».

В другом письме к ней же, 28 марта 1968 года он пишет: «На днях Союз писателей и журналистов устраивал в русской Консерватории вечер Солженицына... Был мой бородач Ренэ (отправивший Вам книгу мою. Только что вернулся из

Москвы). Тот французский стажёр, который несколько месяцев прожил в Москве (готовит докторскую диссертацию обо мне) ... милейший малый, говорящий по-русски и вообще больше русский, чем француз (был случай, что я сделал маленькую ошибку в русском языке — он поправил меня)». А в письме известному писателю В. И. Лихоносову от 20 февраля 1968 года Зайцев писал: «Сейчас ко мне ходит французский студент, пишущий работу обо мне (будет защищаться в Сорбонне, здешнем университете), — так он по-русски говорит, как мы с Вами. И без всякого акцента. Точно в Калуге родился...»

Защитился я на «отлично» осенью 1968 года и сразу после этого отправился в Москву стажёром-аспирантом МГУ. Я не был сумасшедшим и поэтому не объявил научному руководителю, декану филфака МГУ А. Г. Соколову, что намерен заниматься дореволюционным творчеством Бориса Зайцева. Официально предметом моих исследований было декадентство. Я не сразу пошёл на встречу с деканом, а сначала решил разведать и послушать его лекцию, после которой сразу понял: этот человек не был учёным.

Кое-кого я в Москве сумел и успел повидать до своей высылки в начале марта 1969 года. Попросьбе Зайцева — встретился, например, с бывшим критиком журналов «Красная Новь», «Новый Мир», «Печать и Революция» Н. П. Смирновым. Виделся с буниноведами А. К. Бабореко и О. Н. Михайловым. В один прекрасный день

я поехал в Переделкино к Корнею Ивановичу Чуковскому, чтобы передать книгу Зайцева «Река времён» с дарственной надписью автора.

С рекомендацией от великого писателя Корней Иванович меня тепло принял. Для меня он был, прежде всего, замечательный критик Серебряного века, который неоднократно писал о Борисе Зайцеве. Кроме того, он лично был знаком с Анненковым, Пастернаком, Солженицыным... Но меня интересовал определённый период, дореволюционный, то есть Зайцев и его эпоха глазами Корнея Ивановича. Мы договорились, что в следующий раз я запишу нашу беседу.

Итак, через некоторое время я снова поехал в Переделкино. Достал магнитофон размером с целый чемодан, с большими катушками. Добрые люди одолжили. Конечно, это было безумие с моей стороны и чревато последствиями. Но беседа я записал, по времени — часа на два. Я, конечно, подготовился к этой встрече. Вопросы — ответы... В начале записи Корней Иванович приветствовал старшего собрата по перу. Я наивно радовался, что смогу привезти Борису Константиновичу живой голос. В его письме ко мне в Москву, от 20 декабря 1968 года, можно прочесть: «Очень любопытно послушать голос Чуковского и что он говорит на пластинку Вашу (или не на пластинку, а прямо в аппарат? Я по этой части невежда)».

Ситуация была прелюбопытная. Я, будучи секретарём Зайцева, был для Чуковского представителем од-

Б. Зайцев и Р. Герра. Париж, 1967. © Р. Герра

новременно дореволюционной и зарубежной России, но в то же время он разговаривал со мной как с современником. Действительно, какой-то сюрреализм.

Эту магнитофонную запись изъяли таможенники у моей невесты в аэропорту Шереметьево, когда она в начале января 1969 года улетала с моим братом и его женой во Францию. Я их провожал. В аэропорту после их отлёта меня повели в отделение милиции. Они хотели, чтобы я признался в каких-то нарушениях и расписался. Не хочу утверждать, что я такой уж храбрый и смелый, но в тот момент я вспомнил все нецензурные слова и заявил: ничего не подпишу.

К сожалению, Борис Константинович так и не смог услышать голос младшего собрата. Зато моя беседа

с Чуковским была много лет спустя извлечена из архивов КГБ и частично опубликована, без моего ведома и разрешения, в журнале «Вопросы литературы» (№ 6, 1993), о чём я случайно узнал в Париже.

Каким-то образом я продолжал работу в московских библиотеках и архивах, но настроение уже было другим. В один прекрасный день в феврале шестьдесят девятого меня вызвали во французское посольство и сказали: МИД СССР требует, чтобы я отсюда уехал, на что я ответил отказом, тем самым ещё больше усугубив ситуацию. Неделью спустя меня вызвали в посольство вторично, и тогда я уже услышал ультиматум: «Вам дают двое суток, чтобы отсюда убраться».

Итак, я вернулся в Париж в начале марта 1969 года и, естественно,

первым делом встретился с Борисом Константиновичем, рассказал всё, что видел и пережил в СССР. Конечно, ему это было неприятно.

Борис Зайцев был человеком твёрдых убеждений, доброжелательным, правильным, я бы даже сказал — праведным и верным избранному пути до конца. Он ухаживал за больной парализованной женой, но с Верой Алексеевной я не был знаком, она скончалась ещё в шестьдесят пятом. Зайцев не был ханжой: с юмором, без прикрас и умолчаний, рассказывал о славных современниках, в первую очередь — об Иване Алексеевиче Бунине, которого он всегда высоко ставил в литературе.

Б. Зайцев и Р. Герра. Париж, 1971.

© Р. Герра.

Конечно, до конца жизни переживал разрыв с ним в сорок седьмом году. И опять же — из-за проклятой Советской власти: Бунин под воздействием окружения вышел из Союза писателей, когда из него исключили тех, кто взял советский паспорт. Однако никогда не было никакой злобы и по отношению к России, даже советской. Никогда. Поведение Бориса Константиновича, в отличие от некоторых, даже во время оккупации было безупречным. И, тем не менее, как многие эмигранты, всё надеялся: придёт день — и наступит конец Советской власти.

Что ещё сказать? Борис Константинович до конца жизни писал воспоминания, статьи — не литературоведческие, а на злобу дня. Его последняя статья «Судьбы» появилась 6 января 1972 года в «Русской мысли», где со второго номера (26 апреля 1947 г.) он был постоянным сотрудником. Уместно напомнить здесь: когда Борис Константинович скончался 28 января 1972 года, я написал некролог, но ни одна французская газета не захотела его напечатать, что весьма показательно для того времени. Из этого некролога в газете «Фигаро» взяли лишь пять строчек под платным траурным объявлением. Думаю, что комментарии излишни. Вот вам и конец патриарха русской словесности, замечательного писателя, достойнейшего человека. Как грустно!

В 1981 году, к столетию со дня рождения Бориса Константиновича, я защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о его творчестве. Год

спустя моя библиография жизни и творчества писателя издана парижским Институтом славяноведения. В 2000 году — перевёл на французский язык его повесть «Голубая звезда», которая вышла с моей вступительной статьёй в престижном парижском издательстве «Сирт».

Встреча с Зайцевым оказалась для меня огромным счастьем и большой удачей, но одновременно стала и моей личной драмой. Думаю, в этом есть закономерность и знак судьбы. Я тридцать лет был на стороне побеждённых, но, когда Зайцев, как и Бунин, Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Ремизов, Шмелёв, Газданов, Г. Иванов, Одоевцева, Берберова, Ходасевич, Адамович и другие, триумфально вернулись в Россию —

увы, посмертно — я, наконец, оказался на стороне победителей. Все они творческим наследием, жизнью, доказали: после Октябрьской революции ими был сделан трудный, но правильный выбор.

Мой друг, писатель Роман Борисович Гуль, главный редактор «Нового журнала», в котором Борис Зайцев печатался с 1949 по 1970 год, правильно озаглавил трёхтомную апологию эмиграции: «Я унёс Россию». Ведь они все, великие известные и великие неизвестные, оставались до конца подлинными российскими интеллигентами, доброжелательными, чистыми, наивными идеалистами — тургеневскими «лишними людьми». И эти «лишние» — соль земли.

Ницца, 2021.